

ИсТ

АКАДЕМИЯ

СОВРЕМЕННЫХ

ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ

ТЕХНОЛОГИЙ

ИсТ Исторические аспекты развития телекоммуникаций

ИсТ.7 Лучшие диверсанты XX века
(Воспоминания ветерана МЭИС МТУСИ)
Часть 1
(количество частей – 1, число страниц - 15)

ИсТ.7

НАЧАЛО

Родился я в городе Омске в 1913 году, в день праздника Казанской Божьей матери, крещен в церкви и по численнику назван Константином. В моих метриках в графе мать ребенка - значится Прасковья Петровна Квашнина, в графе отец - стоит прочерк, а я. таким образом, по тогдашней классификации - незаконнорожденный.

Прасковья Петровна - крестьянка глухой северной сибирской деревни Озерникская Тарской волости Омской губернии, после смерти отца, вместе с сестрой и матерью сначала перебрались в город Тару, а потом в поисках лучшей жизни в город Омск. Но легкой жизни у нее не получилось до самой старости. Не имея квалификации, не зная грамоты, вся жизнь прошла в тяжелой работе - домработница, прачка, приобретя швейную машину, некоторое время пыталась работать портнихой, потом опять уборщицей и пол старость опять рабочей в прачечной. Прожила долгую жизнь - умерла - простудившись - не дотянув 2 года до 100 лет. До конца жизни была в состоянии себя обслуживать - варить обед, убирать комнату, гулять на улице. За всю свою долгую жизнь, до 80 лет ни разу не обращалась к врачам. По-деревенски, если и болела, то лечила себя сама. К восьмидесяти годам стала хуже видеть и согласилась показаться врачу. С установлением Советской власти в Сибири, как и везде, была объявлена борьба, а по существу война, с неграмотностью и ее в те времена научили читать и даже немного писать. Глаза нужны были, чтобы читать - она стала много читать. Омск - где я родился, в те времена был столицей Западной Сибири, центр хозяйственной, культурной, политической жизни и управления всей громадной территорией. Он был так же последней столицей белогвардейского сопротивления - резиденцией адмирала Колчака. Средний город провинциальной России, расположен в среднем течении реки Иртыша. Разделен примерно пополам глубокой, иногда, весной, очень бурной, впадающей в Иртыш речкой Омь - Омкой - как ее называют жители. Район встречи Омки с Иртышем и стал центром города. На расстоянии 500-1000 метров от Иртыша, через Омку перекинут Капитальный ("железный") мост, соединяющий южную и северную часть города, выше, километра через три, менее капитальный ("деревянный"). Центр города, расположившийся вокруг "железного" моста застроен красивыми двух-трех этажными капитальными зданиями. В них магазины, учреждения, драматический театр, управа, с/х институт, Кадетский корпус - один из старейших в России, церковь. Ближе к Иртышу - два кинотеатра - один через дорогу

от другого - деревянный "Гигант" и в капитальном здании - "Художественный". Рядом с ними летний сад "Аквариум" с эстрадой. Все три объекта - наша мальчишеская мечта - пробраться без билета.

Все улицы центра покрыты брусчаткой. Транспорт только гужевой, на конной тяге. Летом телеги, зимой сани разных размеров и назначения. Общественного транспорта никакого. За отсутствием в то время такси - их роль выполняли извозчики. Летом вдоль берега реки Омки между "железным" мостом и Иртышем располагались пристани для пароходов курсирующих по Иртышу. С середины лета, до поздней осени сюда приходили с верховий реки плоты с горами Павлодарских и Семипалатинских арбузов, которые можно было здесь всегда купить, иногда выпросить, а иногда и просто стащить.

Центром города, пожалуй, можно было считать площадь, находящуюся в 2,5-3 километрах от "железного" моста, где были еще капитальные дома, была брусчатка па дорогах улиц, и все улицы, как идущие перпендикулярно р. Омь так и параллельно, имели собственные имена. А дальше уже окраина - деревянные одноэтажные, редко двухэтажные - дома с собственным двориком и огородиком, грунтовые проезжие части улицы, зеленые насаждения около домов. Собственные названия имеют только улицы, идущие к центру, а пересекающие их, лишь нумерацию - от первой до двадцатой "линия" в южной части города и столько же, примерно, "северных" в северной части.

Через Омск проходит Транссибирская железная дорога, и он является одним из крупных городов магистрали. Но вокзал железной дороги в пору моего детства находился в десятке километров от города, в так называемом "вокзальном" районе и был связан с ним однопутной железной дорогой, по которой регулярно ходил паровичек с несколькими вагонами. Город, где летом жара и пыль, зимой снег и трескучие морозы. Самые "древние" для меня воспоминания вероятно можно отнести ко времени, когда мы жили в низменной части города, самой бедной - "на лугу", как ее называли в насыпном (стены из досок - между ними засыпана для утепления земля) доме из одной комнаты с русской печью по середине. Мы жили втроем - бабушка, мать и я. Помню почему-то только два события - причем первое из них не уверен, что "помню", может быть осталось из поздних рассказов о нем. Бабушка — богомольная, верующая старушка, уже в возрасте около 90 лет, вероятно, почувствовала себя очень уставшей от жизни, заявила, что ей пора умирать.

Подготовила свои вещи, нужные для погребения, и в какой-то церковный праздник приделась, сходила в церковь, вернулась домой, попрощалась, - сказала, что пошла умирать. Забралась на печку, где она всегда спала - и спокойно заснула и умерла. Событие это, запомненное мной самим, или по рассказу, я до сих пор часто вспоминаю, продолжая не понимать, удивляться, восхищаться той степенью почти философски мудрого отношения к жизни и смерти простых людей прошлых поколений.

Второе событие, которое гарантированно является моим воспоминанием, случилось в годы, где-то еще до установления Советской власти, в городе - это большое наводнение. Весной Омка показала свой характер, - пошла большая вода. Затопило весь "луг". Наш дом был затоплен до верхней притолоки входной двери, и мы с матерью спасались сидя на чердаке до спада воды. После наводнения насыпной дом стал, вероятно, не пригоден к жилью и я помню, мы переехали жить в деревянный дом в нагорную часть города, на седьмую, из тех многочисленных линий, которые составляли южную окраину Омска. Кварталы улицы образовывали впритык построенные дома и заборы отдельных владений. По улице рядом с домами были проложены пешеходные тротуары из трех-четырёх продольно проложенных досок. По середине, относительно широкой улицы наезжена колея от телег, летом, заполненная легкой пылью. Ближе к домам земля обычно покрыта травой. Зимой на улице сугробы снега по бокам и узкий проезд для саней по середине.

Жизнь на седьмой линии совпала у меня с возрастом, когда дворы и улицы квартала были владениями и местом обитания для меня и моих соседей сверстников. Домой мы являлись только поесть и поспать. Все остальное время предоставлены были сами себе и развлекались, как могли - бегали купаться на речку, лазили по заборам и чужим дворам, защищали свою седьмую линию от ребят шестой и восьмой, что делали и они при нашем появлении в их владениях, сотворяли какие-либо проказы с прохожими по нашей улице. Летом, почти до самых заморозков, многим из нас обуви не давали, мы бегали босиком с затвердевшими подошвами мог. Одним из развлечений были походы вечером в центр на представления в саду "Аквариум". Так как вход был платный - мы успешно "входили" через высокий забор. Зимой разгуляться было сложнее - мороз и снег.

Но у нас кое-какая теплая одежда была - ушанка на голове, рукавицы на руках, пимы (валенки) на ногах - мы всегда были на ходу. Нужно уже было ходить в школу.

Чем мы питались, тогда - не помню ничего. Два момента помню до сих пор, это было уже при Советской власти. Однажды мать дала мне миллион рублей, на карманные расходы и мне продали за них полстакана жареных семечек; и второе - когда ввели червонец, появился белый хлеб. Мать по воскресеньям покупала сайку ~ это небольшой белый батончик, или ситный хлеб - круглая буханка, мягкая на столько, что ее можно было сжать до лепешки, и, отпустив, она вновь выпрямлялась - такая белая и такая вкусная, каких последние, пожалуй, шестьдесят лет уже не было и нет.

Помнятся два тяжелых события из того времени. Однажды в зимний день город наполнился взрывами, по улицам на розвальнях носились возбужденные люди и куда-то стреляли. Мы закрыли окна ставнями, мать спустила меня в подпол и изредка, посматривая через щели в ставнях, что творится на улице, сама пряталась со мной. Это были бои по освобождению города Красной армией от белогвардейцев. И второе событие, более позднее по времени - это сотни, а может быть тысячи погибших от болезни людей, которых свозили на кладбища для захоронения. Прошел слух, что на церковное кладбище привезли много мертвецов, и народ пошел проверять слух, и мы тоже побежали. Прибежали на кладбище и увидели страшное зрелище - как дрова, поленицами, высотой в несколько рядов сложены голые, замороженные трупы, ожидающие погребения. Страшно.

Первый поворот...

Когда я был в четвертом или пятом классе в моей жизни произошли большие изменения, меня взяли к себе бездетные сестра матери Мария Петровна и ее муж Захаров Константин Алексеевич, которые в то время жила тоже в Омске. Они и оказались для меня самыми близкими людьми на все последующие годы. Я думаю, что Константин Алексеевич сыграл значительную роль в моем становлении. Для меня он всегда был непререкаемым авторитетом и примером во многих жизненных ситуациях. Его судьба была не из простых. Он родился на Урале, в Мотовилихе (завод в районе города Перми) в семье кузнеца. Окончил начальную школу, начал работать в портновской мастерской учеником, научился портняжить сам и стал портным. Очень хорошим портным. В Омске, до установления Советской власти, считался лучшим мужским закройщиком, работая в престижной "элитной" мастерской госпожи Шаниной. В 1905 году вступил в Российскую социал-демократическую партию и остался до конца дней своей жизни большевиком, коммунистом. По поручению партии вел подпольную работу по городам Сибири, менял работу и

города, сообразуясь с обстоятельствами. Арестовывался, сидел в тюрьме, В годы Первой мировой войны, призванный в армию, вел большевистскую агитацию среди солдат. Являлся членом полкового комитета. Вновь арестован, освобожден во время революции, уехал в Омск. В Омске связался с парторганизацией железнодорожного узла и начал работать по подготовке вооруженного восстания. Незадолго до освобождения города был арестован Колчаковской контрразведкой и приговорен к расстрелу. С группой других заключенных из тюрьмы бежал и скрывался до прихода Красной армии.

С первых дней установления Советской власти, как большинство старых большевиков, занимал средние руководящие должности в профсоюзах, хозяйстве, в партийном аппарате. Был делегатом XIV съезда партии.

Когда я жил у них в Омске, он был партийным работником. Я с интересом читал приносимые в дом газеты, интересовался политикой и ориентировался в событиях (в смысле помнил) как заправский пропагандист. И одной из моих обязанностей к 13-14 годам была подборка материала к докладам, которые он должен был делать па собраниях. Иногда я даже писал эти доклады. Немного забегаая вперед, могу предположить, что именно это время предопределило мою "общественную нагрузку" - пропагандист на все последующие годы - с первых дней поступления в институт до "демократической" революции 1991 года.

В конце 20-х годов столицей Западной Сибири стал город Новосибирск. Туда перевели работать и Константина Алексеевича. Я уже окончил семилетку и тоже оказался в Новосибирске безработным молодым человеком с семилетним образованием. Пришла пора учиться профессии и начинать работать.

Время было не легкое. В стране безработица, в том числе еще в большей степени среди молодежи. Работу можно было получить только через биржу труда. Мне относительно быстро - всего через 2-2,5 месяца после постановки па учет нашли место - в счет существовавших тогда обязательных квот рабочих мест для молодежи - учеником электромонтера на лесозавод 1-2. Так началась новая страница моей биографии и соответственно моих воспоминаний.

Новая страница

Местом моей трудовой деятельности оказалось предприятие, растянувшееся по

правому высокому берегу реки Обь, в черте города, на протяжении 2-2,5 километров и носившему название "Лесозавод 1-2". С одного конца территории находился построенный сравнительно недавно, и по тому времени современный, относительно мощный, завод по производству пиломатериалов - "Лесозавод-1". Большой корпус лесопильных рам, машинное отделение при нем цех изготовления тарных ящиков, блок подсобных помещений - все вместе представляло внушительное сооружение. По бокам завода находились склад готовых материалов с одной стороны и склад бревен - "биржа" - с другой.

На другом конце территории - старый лесопильный завод, всего с двумя рамами, мастерской и кузницей - "Лесозавод-2".

Между ними заводской жилой поселок, здание администрации завода, одноэтажный деревянный клуб со зрительным залом просторным фойе и комнатами для кружков и общественных организаций. На воде, вдоль завода, огороженная цепью из бревен - "биржа" - место, куда летом плотами пригонялось сырье - круглый лес - стволы деревьев. В машинном отделении стояли две паровые машины - одна для механического приведения в действие оборудования, другая для электрогенератора, обеспечивающего электричеством потребности обоих заводов и рабочего поселка. В качестве топлива для котлов служили отходы - опилки древесины.

С моим "явлением" на завод в группе электриков стало пять человек - мастер - старший электромеханик завода, три монтера - все молодые и я. Наша специальность обеспечивала широкое поле деятельности - это машинные отделения и цеха обоих заводов, все электрооборудование станков, воздушные электролинии на столбах по территории, внутренние электропроводки освещения на заводах, в клубе, в жилом рабочем поселке. Практически везде на заводе. Включали, выключали электроэнергию, ремонтировали, проводили новые линии, переделывали старые. Через год я уже числился электромонтером 4-го разряда (высший был восьмой). Через этот же примерно год я знал весь завод, и везде знали меня.

В 1929 году меня приняли в комсомол. Комсомольская ячейка по количеству была небольшой частью, от общего количества работающей на заводе молодежи, была именно частью, своеобразным отрядом этой молодежи, а не организацией всех молодых людей достигших комсомольского возраста, во что комсомол превратился

позже. В то время, прием в комсомол был для меня большим и приятным событием. Оценивая сегодня, почему это было так, я думаю потому, что это было престижно, и вероятно были и элементы мальчишеского тщеславия - ты не как все. По я и сейчас считаю, что комсомол тогда был серьезной, боевой политической организацией, несмотря на наивность и примитивность некоторых целей и задач, за или против которых они боролись - как принято теперь говорить. Комсомольцы считали себя молодой гвардией рабочих и крестьян, помощниками большевистской партии. Основой нашей нравственности и морали было отрицание всяческих атрибутов буржуазности, мелкобуржуазности, нэпманского (тоже, что теперешних "новых русских") отношения к жизни.

Вероятно, ближе к действительности того времени и характеру комсомольского бытия, будут мои воспоминания, записанные корреспондентом вузовской газеты "За кадры связи" двадцатью годами раньше - в дни 70-летнего юбилея Комсомола, с заголовком "О времени и о себе". Привожу текст этой заметки;

"- Константин Константинович, расскажите, пожалуйста, когда вы вступили, в комсомол и какое тогда было отношение к нему у молодежи?

- В комсомол вступил в 1929 году, в городе Новосибирске, на лесопильном заводе. Я там сначала был учеником электромонтера, а затем и электромонтером. На заводе был принят в комсомол. Как принимали, уже не помню. Но помню, что комсомол - это серьезная, боевая организация. Комсомольцы считали себя именно молодой гвардией рабочих и крестьян. И поэтому нашей моралью, нравственностью было отрицание всяческих атрибутов буржуазности, мелкобуржуазности, нэпманского отношения к жизни.

Что это значит? Например, мы считали, что ходить в галстук — это признак мелкобуржуазности. А верхом моды в то время было у комсомольцев ношение юнгштурмовки - формы, которая была заимствована у немецких коммунистов. И если кто появлялся в галстук, мы считали, что это представитель буржуазии, и с ним нужно бороться. Любопытно, правда?

Еще пример... В нашем представлении тогда все танцы - вальс, танго, фокстрот - тоже были признаком буржуазности. Молодежные танцы в клубе среди рабочей молодежи в основном были массовые, т.е. танцевали все сразу, в кругу. Это не то, что сейчас - кто во что горазд. Эти танцы были по форме коллективные".

Но были и серьезные вопросы. Администрация завода была, если не противником

нашим, но чем-то нам противостоящим. Ведь была еще безработица, а молодым людям, которые кончали школу, кому просто исполнялось 16-17, лет нужны были рабочие места. На каждом заводе полагалась квота для молодежи, а администрация не хотела предоставлять рабочие места. Приходилось их разными способами "выбивать", и нам, комсомольцам, это удавалось.

Праздники и свободное время тоже надо было чем-то занять. Комсомольцы старались тоже что-то сделать для всех. В клубе были разные кружки, что-то вроде устной газеты, драмкружки "Синяя блуза", и др. Вместо газет, которых было мало - рассказывали о происходящих политических событиях по месту работы и в жилых ломах. Комсомольцы не пили - появиться пьяным - это исключение из комсомола. Впрочем, и среди беспартийных молодых ребят, пьянство было редкостью.

В 1931 году меня приняли в кандидаты ВКП/б/ и но малости партячейки сразу дали "нагрузку" женорганнзатора (в ячейке не было женщин). Как можно судить издалека, видимо уже на заводе появилась тенденция, желание приобщиться к настоящей большой жизни страны того времени. Ну и как курьезы, не имеющие прямого отношения к моей прямой производственной и общественной работе, но почему-то хорошо запомнившиеся мне два примера, один из моего поведения, с целью, вероятно, создания имиджа - как говорят теперь - боевого парня. Самый молодой, разухабистый и трудно управляемый состав рабочих на заводе был на лесной бирже - это коногоны, Их работа состояла в том, чтобы находясь верхом на лошади, захватив петлей, от прицепленного к сбруе лошади троса, бревно из реки, вытащить на высокий берег - на биржу сырья. Это очень тяжелый труд - требует сильного напряжения и от человека, и от лошади, И поэтому в районе этой работы - все время стоит неимоверный крик, свист и громкое непрерывное понукание лошадей красочным набором "не нормативной" - как говорят сейчас - лексики. Тогда возможно мне это казалось проявлением мужества - не могу, объяснить почему, но я стал им в этом подражать. И какое-то время был одним из самых молодых сквернословов. К счастью это быстро прошло - и с той поры до наших дней меня коробит всякая словесная грязь.

Второй эпизод лихости я проявил во время работы. По правилам, с оголенными проводами электролиний можно работать только со снятым напряжением. И вот однажды, взобравшись на когтях наверх столба, я стал присоединять провод новой линии к изолятору с проводом рабочей линии, находящейся под напряжением.

Натягивая провод рукой, изогнулся и шеей коснулся другого полюса - получил улар током, сорвался и оказался на земле. Правда, пел. Это был мой последний эксперимент не по правилам. И еще, как память о Сибири, остались впечатления об одной суровой зиме. Столбец термометра опустился до 52 градусов, на улице стоит звенящая тишина, воздух в легкой дымке, столбы гудят, провода рвутся. А мы на улице работаем.

На эти годы приходится начало грандиозного плана преобразования аграрной, отсталой страны в индустриальную державу - начался период пятилеток. Появилось требование в своих специалистах. "Кадры решают все" - лозунг становится на многие годы главным в политической и общественной жизни страны. Мне советуют пойти учиться.

Окончив весной 1932 года одногодичные курсы подготовки рабочей молодежи в ВУЗ, я был готов к другому, новому кусочку своей биографии. В первой половине августа, в клубе, комсомольцы провожали меня к путешествию в Москву, а я тем самым прощался с заводом. Подробностей проводов не помню, но день отъезда совпал с каким-то мероприятием в клубе, было веселое и теплое прощание. И случилось непредвиденное. Задержавшись лишнее время в клубе, второпях прибежал на вокзал и увидел медленно уходящий состав моего поезда. Отъезд состоялся только на следующий день.

Я не помню своего состояния, своих ощущений, в этой своей первой поездке в Москву. Поезд, на который я опоздал, потерпел крушение, в районе Свердловска сошел с рельсов. Мы медленно проезжали участок крушения, и я видел вагоны, лежащие на обочине, в каком-то из них мог находиться и я. Можно придумать случаю оправдание - родился под доброй звездой. Пусть будет так!

Студенческие годы - "грызем грант науки".

Прибытие в новый город всегда интересно, я в Москве - это целое событие. Всем известно Чеховское - ...в Москву... в Москву... в Москву. Для меня это было еще и важно, я приехал поступать в институт для получения образования по "своей" профессии.

В Москве привлек мое внимание престижный в то время и даже по молве, в какой-то степени знаменитый своей своеобразностью Государственный электромашиностроительный институт имени Каган-Шабшая или сокращенно ГЭМИКШ. Он готовил инженеров для завода "Динамо". Директором и создателем

этого института был известный электромашиностроитель, инженер и ученый Каган-Шабшай, именем которого и назывался институт. Особенность института заключалась в том, что, во-первых, для поступления в него нужно было сдавать вступительный экзамен (во всех остальных вузах, кроме еще МГУ, прием был без экзаменов), во-вторых, начиная со второго курса, студенты попеременно с учебой в институте работали на заводе "Динамо" на разных должностях (месяц в институте, месяц на заводе), и, в-третьих, Каган-Шабшай - директор - терпеть не мог и не признавал общественные организации института - партком, профком, комсомол, которые к тому времени уже создавались в институте. Он просто, по рассказам старших студентов, выгонял их из своего кабинета при попытках заявить о своем существовании.

В этот институт я подал заявление, как ни странно, успешно сдал экзамен и был принят. И 1 сентября 1932 года в здании, находящемся на углу Петровки и Страстного бульвара, в ГЭМИКШе начались наши занятия. Наша учебная группа состояла из 25-28 человек (точно не помню). Группа была разновозрастная и разноподготовленная к занятиям в институте. Больше половины группы состояла из так называемого партнабора, профнабора и комсомольского набора, т.е. людей, направленных учиться за счет квот партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, прошедших подготовку либо на годичных курсах подготовки в ВУЗ, либо на полугодовых рабочих факультетах - рабфаках. Поэтому некоторым учеба давалась с большим трудом.

К нашему приходу в институт в нем уже существовали и работали общественные организации. Во всех звеньях институтской структуры были "треугольники": партийные, профсоюзные и комсомольские представители. Вскоре профессор Каган-Шабшай за свой "строптивый" характер был освобожден от должности директора. Директором стала Варвара Алексеевна Пивоварова - волевая женщина с гуманитарным образованием. В годы войны она была участником боевых действий, партизаном-разведчиком в тылу у немцев. После войны долгое время являлась ректором института иностранных языков им. М.Тореза.

Как прошел первый год обучения, в подробностях память не сохранила. По окончании первого курса группа сфотографировать и полном составе. Фото храню до сих пор. Это была последняя группа набора в ГЭМИКШ. Среди студентов - преподаватели; математики (к сожалению, забыл его фамилию, но после войны он

продолжал еще работать л на авиамоторной улице), электротехники (Жегулин) и иностранного языка. Прекрасные преподаватели. Исключительно своеобразным преподавателем запомнился профессор Кестнер - железнодорожник по образованию и профессии. Он вел сопротивление материалов. Первые несколько минут лекции он обычно объяснял закон Гука, потом переключался на 'воспоминания о своей учебе в МИИТе и увлеченно рассказывал о работе на железной дороге, устройстве паровозов, кинематике движения поездов по рельсам и т.п. Так на законе Гука начался и закончился наш сопромат.

В 1911-1934 году институт из Наркомата машиностроения был передан в Наркомат почты и телеграфа (наверное, в будущую Наркомсвязь). На базе ГЭМИКШа создавалась новая структура подготовки инженерных кадров для нужд хозяйства связи, продолжая и развивая существующие ранее формы подготовки связистов. Образно говоря, в формах обучения закончился период "детства" и наступил период роста и возмужания.

Насколько мне представляется, в это время впервые появилась аббревиатура МЭИС - Московский электротехнический институт связи. Директором МЭИСа был назначен Жеромский. Сразу же началась работа по перепрофилированию института. Было сформировано два факультета: факультет радиосвязи и факультет проводной связи. На каждом факультете в одном потоке обучающихся на курсе появилось несколько групп, имеющих занятия по военной подготовке (готовили артиллеристов), и по одной группе освобожденных по разным причинам от нее. Сформированные новые группы для обучения по новому профилю специализации просуществовали без изменения и реорганизации до окончания института. Началась организация и оборудование новых учебных, лабораторий - по передатчикам, по приемникам, по радиовещанию, по вакуумным приборам для радиофакультета, на котором я учился.

Для преподавания были приглашены ведущие в то время ученые и специалисты, о многих из которых до сих пор сохранилась добрая память и чувство благодарности за их труд. В памяти сохранились фамилии: профессор Черданцев - электротехник, профессор Левин - теоретическая радиотехника, доцент Казанцев - радиопередатчики, Жегулин - электротехника, преподаватели Чистяков - радиоприемники, Шебес - передатчики, Васильев - вакуумные приборы, профессор Горон и доцент Нюренберг - радиовещание. Последние мне ближе, потому что, во-

первых, на IV курсе я был зачислен лаборантом (единственным) лаборатории радиовещания, и, во-вторых, они были руководителями моего дипломного проекта.

Как курьез вспоминается "событие" - я как "штатный" сотрудник предприятия связи, получил профессиональную форму - костюм - первый шерстяной костюм в моей жизни.

Институт быстро проходил период реорганизации, и к концу нашего обучения уже был известным и авторитетным учебным заведением Москвы,

Кроме институтских лабораторий в учебный процесс была включена и производственная практика на предприятиях. Так, к примеру, радисты имели практику на ленинградском заводе "Светлана" - по вакуумным приборам, на Александровском радиозаводе - по радиоприемникам, на радиостанции ВЦСПС в Чкаловске - по радиопередатчикам, на узлах МГРС - по проводному радиовещанию, в Большом театре и Колонном зале Дома союзов - по технике трансляции спектаклей и концертов.

Кипела и общественная жизнь, особенно у комсомольцев, которых было большинство среди студентов. Революционные праздники, посвященные этому торжественному событию, демонстрации на Красной площади, обсуждение политических событий внутренней и международной жизни, сообщения с гражданских строек развернувшихся по всей стране вызвали энтузиазм, внутренний душевный подъем, глубокое удовлетворение и чувство причастности к этим событиям - не только меня, а нас. Комсомольские собрания были бурными и веселыми, не в тягость, а в радость, по крайней мере, с внутренним удовлетворением. Перед открытием первой линии метро, мы с песнями, радостные ходили на субботники по уборке строительного мусора - работы не легкой и грязной - на станциях метро. А сколько радости и гордости чувствовали мы, когда были среди первых гостевых пассажиров на открытии Московского Метрополитена. А прокатили-то нас всего со станции Охотный ряд (тогда проспект Маркса) до станции Парк Культуры.

Возникали в студенческой жизни и другие вопросы. В 1933 году проходил комсомольский набор в военно-морской флот. Отбор проходил среди комсомольцев и членов партии. Среди комсомольцев был и я. Проходя по всем статьям, застопорился на медицине. Не поправилось мое сердце. Я продолжил учебу в институте.

Через год проходила мобилизация коммунистов набор "25 тысячников" - на руководящую работу в деревню, в колхозы. Я не подошел, вероятно, по комплекции.

Наш поток оканчивал институт весной 1937 года. Из радистов наша группа была первой (либо одной из первых) выпускницей МЭИСа. По-разному сложилась дальнейшая судьба каждого из них. Из известных мне, например, Хейфец (в институте был секретарем парткома) стал начальником связи Наркомфлота, Каменкович (авторитет в группе) - долгое время был зав. Учебной частью института на Авиамоторной; Вроблевский, Постникова - ведущие специалисты ВНИИТра, кандидаты наук; Оборонина - декан факультета МЭИ, Балашова - научный сотрудник Института радиотехники АН, Шлюгер - доктор наук, специалист НИИР. Все вошли в жизнь людьми нужными и полезными нашей стране.

Осенью 1937 года в МЭИСе была создана аспирантура. Из нашей группы в ней были оставлены Шлюгер и я.

В 1938-1939 гг. МЭИС был переименован в Московский институт инженеров связи. Нам выдали дипломы вновь введенного единого образца. Я получил диплом с отличием.

Вот так закончилась наша юность. Взрослыми стали мы. Пять лет прошли быстро. Среди них были и трудные годы, особенно первые: карточки в стране, полуголодное время. Студентов в учебное время года подкармливали в институтской столовой, в летние каникулы для питания выдавались талоны в столовые других институтов (нам - в Менделеевку).

Но это было и счастливое время. Мы были молоды. Мы были воодушевлены великими идеями построения социалистического общества и фанатично верны этим идеям, задачам создания могучей, процветающей страны. Ради этого "грызли гранит науки", а для многих это было не просто. Были коллективистами по форме существования в обществе. Успевающие студенты по вечерам помогали отстающим в учебе - не по обязанности, а по внутреннему чувству долга помочь товарищу (для ясности современникам - безвозмездно).

Прошло 30 лет и в 1967 году, я вновь вернулся в институт па работу. Он за это время слился с Военной академией им. Подбельского, сменил адрес с Петровки на Авиамоторную. С того времени он превратился в могучий, первоклассный, научно и педагогически мудрый центр подготовки специалистов связи - институт - МТУСИ.

Недавно мы отмечали 80-летний юбилей нашего института. Мне приятно было

встретить его в стенах МТУСИ. Не будет большой натяжки, если я скажу, что мы с ним почти ровесники. Наша юность, наше взросление прошли вместе, в одно непростое для нашей советской страны - СССР время. И если бы природа дала мне литературные способности, я бы написал что-нибудь очень теплое, как в песне "издалека долго - течет река Волга..."

В 17 лет я пришел в этот институт и вернулся в него на склоне лет.

Автор: Квашнин К.К.